

Беспощадные смутные годы
Над страной, над отцом, надо мной.
Корабли, поезда, пароходы
Режет ветер залетный сквозной:
Свой похитчик и чужеплеменный
На открытых просторах Руси...
Братьев кличет Иван полоненный —
Не проснутся — проси, не проси!
Я по-русски все жду терпеливо,
Над равниной кружит воронье...
Отобрали у песни мотивы,
Раскатали по бревнам жильё,
Осквернили родные могилы,
А над пашнями ядом смердят.
Брат мой, где твоя удаль и сила,
Обернись красным молодцем, брат!
Горек воздух полынной дороги.
Бесконечны, как думы, холмы.
Сбиты в кровь наши бедные ноги,
От кого ждем спасения мы?
Может, эти пожары лесные,
Замутненные воды озер,
Дочернобыльские витии —
Пустословья обман и позор
Нас спасут? Деревеньки пустые,
Городов обезличенных высь...
Но, как сила души, золотые,
Купола золотые зажглись...

МАТЕРИНСКИЙ ЛОМОТЬ

Воспоминание — жизни моей полотно —
Незачем мне украшать его вязью рисунка,
Прямо скажу обо всем, что хранило оно,
Сердце, задетое с детства о строгую струнку.
Видно, Господь преломлял материнский ломоть,
Короб хлебов оставался пришьельцу и гостю,
К ней и теперь, чтобы душу свою прополоть,
Я приезжаю к могиле на сельском погосте...
И простодушные люди тропую добра
Едут ко мне от нее до Великой столицы —
И не седьмая вода, не слеза, не сестра,
Как за себя, я за ближнего буду молиться.

* * *

Уральских гор могучие шеломы,
Глухих холмов сухие ковыли.
Вползает поезд ящеркой зеленой
За дикий гребень в голубой пыли.

За речкой Белой, повторив изгибы,
Уйдет в проруб туннеля, в темноту,
А вынырнет, увидят, кто б там ни был!
Глубинную Отчизны красоту...

Твоих полей полынное остожье,
Твоих лесов немереную высь.
И есть пути прекраснее, быть может,
Но от своих дорог не отрекись.

Они вели, а не были ведомы!
Вчера по ним богатыри прошли...
Уральских гор могучие шеломы,
Глухих холмов сухие ковыли.

ВАССА

Вассе Васильевне Коршуновой

В той избе полати с лавками,
Печка русская жива.
Васса лечит ноги травками,
Молвит русские слова:
«Я незнакомому зазнобушке
Стала верною женой.
Ты уйди, уйди, хворобушка,
Дальним лесом — стороной.

Как честным пирком за свадебку,
А жених-то гулевой!
Он к невестушке наладился
Да в гулибу с головой!
Ехал в санках разукрашенных,
Санки прибыли пусты.
Эх вы, кони! Знайте нашего!
Понесли... А сам в кусты.
Если б то узналось батюшке —
Свадьбе этой не бывать.
Да на ум дружкам и сватьяшке
Подошло его спасать.
Привели за руки белые,
Повенчали при свечах,
И стояла красна дева я
Во горючих во слезах.
Понесла нас тройка яркая
К самобраному столу
Перестукиваться чарками,
Править свадьбу веселу.
Эх, гульба, гульба, гульбина,
Пестрядинный мой платок!
В чужом доме сиротина,
Словно в поле колосок...
Каждый год родила. Семеро.
На подходе и восьмой...
С ними я ходила по миру,
Муж с хмельною головой.
Не сроднила нас ни свадебка,
И ни свечи, ни цветы.
Всех-то выходила, сладила.
Вот и лавки-то пусты!
А одной сидеть тошнехонько,
Табурет — четвероног.
Обопрусь, пойду тихохонько
Во зеленый двор широк.
Вот сижу я у оконца,
Кому дело до меня?
И заходит красно солнце,
День да ночь — и нету дня.
Не приедет, видно, Колюшка,
Да и Витя не придет.
Ах, почто, скажи мне, солнышко,
Васса старая живет?
А они лежат в могилушке.
Схоронила к Покрову...
Да откуда ж столько силушки,
Знать, что двух переживу?
Ходят-ездят только шестеро:
Дочки три да три сынка,
А приедут — то-то весело!
Хоть на время, на пока.

Стол накроют белой скатертью,
Все про все поговорят.
Распотешат сердце матери,
Как споют на старый лад.
«А как давеча упала я...» —
Говорит сама с собой.
В палисаде мальва алая
Все качает головой.

НА ВЕЧЕРНЯХ ПОЛЕЙ

Куполов величавей церковных
Золотые закаты в глуши,
Пропадаю в лесах подмосковных
Во спасение грешной души.

Поясные, земные поклоны
Отдаю на вечернях полей,
Оглянусь, как заплещутся стоны
Чуть заметных с земли журавлей.

И не молкнет во мне неземное,
И близка мне земная юдоль —
Благодатное слово родное
Выступает наружу, как соль.